

— Стоять!

Их было четверо. Они всегда ходят так, вчетвером. Автоматчик, он же командир, пулеметчик, снайпер, гранатометчик. Удобно для Зоны, практически на все возможные случаи жизни есть свой специалист. Такая здесь жизнь. Насыщенная. В которой без хорошей огневой поддержки долго не протянешь.

Хотя бывает, что и с ней — тоже...

— Стою, — глухо сказал я. — И че?

Говорить было непривычно сложно. И щекотно. Подбородку — особенно. Фиг знает, привыкну я к такому, или заработаю себе нервный срыв, так как щекотку не люблю с детства.

Они стояли, направив на меня огнестрелы, и рассматривали то, что осталось от их товарищей, окровавленные куски которых валялись по всей поляне. Нет, относительно целые тоже были, просто изрешеченные пулями. Но в меньшем количестве. Большинство — в фрагментарном. Неприятное зрелище, конечно. Вон гранатометчик их, с РПГ за спиной и автоматом в руках, стоит бледный, как свежепобеленная стенка, того и гляди блевать начнет дальше, чем видит.

— Это... кто их?

Ну да, понимаю. Прибежали на выстрелы, а тут такое. В процессе осознания увиденного вполне воз-

можно тупые вопросы. Особенно — от боргов, которые стреляют лучше, чем думают.

Мне отвечать не пришлось, вместо меня командир пояснил, по ходу, более опытный, чем пулеметчик, задавший вопрос:

— Сам не видишь? Ктулху поработал. Скорее всего, не один, одного б наши как пить дать завалили.

И, ткнув в меня пальцем, добавил:

— Меня больше интересует, что ты за хрен с горы? И почему на тебе очки Рудого и его шмот?

Я бы мог, конечно, объяснить, что это я завалил всех тех, кто валялся сейчас на берегу болота, включая Рудого, у которого по закону хабара забрал то, что мне было нужно. Но вряд ли такое объяснение удовлетворило бы боргов. Думаю, командир красно-черных уже начал о чем-то догадываться, но еще не был на сто процентов уверен в своих предположениях. Потому, не дожидаясь ответа, он направил ствол автомата в дужку моих очков и приказал:

— Снимай окуляры. И капюшон. Быстро, нах!

— Угу, — сказал я.

И снял.

Быстро, как и было сказано.

Одной лапой, запакованной в перчатку, очки, другой — капюшон, уже зная, что за этим последует. Потому что, думаю, сам бы на месте боргов изрядно прифигел, увидев такое. На секунду — точно, перед тем, как начать стрелять.

И секундой этой я воспользовался сполна, чтобы, резко присев под линию выстрела и мощно оттолкнувшись ногами, полететь над серой травой словно пуля, пронзившая то место, где я только что стоял. Хотя, конечно, не один свинцовый гостинец это был — очереди

раскаленного свинца сейчас распарывали воздух над моей спиной, и я прям голым затылком ощущал их горячее дыхание: с некоторых пор у меня очень чувствительная кожа.

А потом я просто схватил командира отряда за ноги и рванул их в разные стороны, одновременно переворачиваясь на спину. Тяжелое это занятие — разрывать человека, но я справился. Мышцы позволили, их у меня тоже в последнее время с избытком, еле втиснул эти мясные бугры в камуфляж Рудого, упокой его Зона.

На голову мне хлынул поток горячей крови, в левой лапе у меня остался командир боргов, а в правой — его оторванная нога. Ее-то я и швырнул в пулеметчика, рябая рожа которого мне сразу не понравилась. И не зря, кстати: он первый сориентировался и резанул по мне очередью. Больно, блин! Но, к счастью, не смертельно. Тем более что оторванная нога командира, вращаясь, словно городошная бита, врезалась рябому в переносицу, отчего он сразу перестал ковырять пулями мою тушу.

Правда, снайпер в меня тоже очередь выпустил из своего АК, но пули калибра 5,45 для моего тела оказались испытанием терпимым, хоть и неприятным. Но по сравнению с пулеметной очередью — вполне. Настолько, что они даже мой второй бросок не сбили, на этот раз — одноногим командиром. Пришлось поднапрячься, конечно, но я справился: орущий от адской боли свежееиспеченный и пока еще живой инвалидшиб снайпера с ног, словно снаряд, выпущенный из пушки.

А потом я увидел, как гранатометчик целится в меня из РПГ. Разумеется, снаряженным не кумулятивным «Лучом», которым в кино любят стрелять не по танкам, как положено, а по вражьей пехоте. Из ствола гранато-

мета торчала болванка термобарического «Танина» — очень подходящего боеприпаса для уничтожения самых ужасных мутантов Зоны, который выжигает все на хрен в радиусе десяти метров. Разумеется, с такого расстояния и гранатометчику тоже настал бы огненный песец. Но красно-черные народ отмороженный, и им совершенно не запахло отправиться в их борговскую Вальхаллу, поджарившись вместе с врагом.

Вот только в мои планы совершенно не входило превращаться в гигантский стейк с хрустящей корочкой. Но когда враг с такой смертоносной штукой в руках предусмотрительно отбежал назад и до него теперь метров семь, то шансов остаться в живых не остается от слова «совсем». Если только...

Это случилось по наитию. Иногда я сам не понимаю, что творит мое тело, которое почему-то очень хочет жить в отличие от меня. Словно я — это такой пофигист, типа, сдохну — и не жалко. А моя тушка... хммм, теперь уже туша, которая совершенно отдельно от меня думает иначе и всеми силами цепляется за жизнь, придумывая абсолютно нетипичные для меня сценарии.

Вот и сейчас я понимал, что мне настал неизбежный трындец, а тело, не желая разделять со мной это понимание, неожиданно резко и сильно махнуло лапой.

Мою ладонь пронзила моментальная боль, словно туда раскаленное шило воткнули. А потом я увидел, как голова гранатометчика резко откинулась назад. Хлопнул выстрел, но термобарическая болванка прилетела не мне в грудь, а взмыла в небо над Рыжим лесом, словно борг хотел раскоцегарить своим огненным выстрелом тусклое солнце Зоны.

И только когда я увидел, что из лба оседающего на землю гранатометчика торчит обновленная рукоять

моей «Бритвы», до меня дошло. Проклятый артефакт отнял у меня способности Легенды Зоны, но на мой нож, живущий в моей конечности, это никак не повлияло. И теперь он в очередной раз спас мне жизнь — точнее, это сделали он и мое тело, сохранившее навык бороться до конца в любой ситуации, за что ему, наверно, спасибо. Ибо я не был уверен, хочу ли я жить в теле самого опасного и, пожалуй, самого ужасного мутанта на зараженных землях.

Гранатометчик умер мгновенно, это было сразу понятно.

Снайпер валялся на траве со свернутой набок шеей и расширенными, остекленевшими глазами смотрел себе куда-то за спину, словно увидел там нечто удивительное.

А вот их командиру повезло меньше.

Тело одноногого борга скорчила предсмертная судорога — кровь из обширной культи уже не хлестала, а струилась вялым ручейком, так как за полминуты вытекла почти вся.

Оставался еще пулеметчик, получивший в жбан командирской ногой, который хоть и был в полубессознательном состоянии — не иначе, сотрясение мозга получил, — но все же нашел в себе силы не выронить свой «Печенег», из которого пытался снова поймать меня на мушку.

Скажем так — мне очень не понравился опыт получения в грудь пули винтовочного калибра: я прям чувствовал, как при каждом вдохе деформированные куски свинца с мерзким скрипом царапают мои ребра. Потому я резко сместился в сторону, одним прыжком сорвал дистанцию и рубанул пулеметчика ребром ладони под ухо. Сильно ударил, чтоб гарантированно вырубить, — и, по ходу, не рассчитал своих новых возможностей.

Раздался звук, похожий на тот, с которым рвется буксировочный трос, и голова борга просто улетела куда-то, расставшись с туловищем, которое от удара рухнуло на землю. При этом из разлохмаченного обрывка шеи ударил фонтан крови, обильно обдав темно-красной струей мои берцы.

И вот тут мне вдруг резко поплохело. И не от вида крови, хлещущей из обезглавленного тела.

От ее запаха!

Этот легкий металлический запах витал над всем берегом болота, где мне пришлось не по моей воле устроить настоящую бойню. Но сейчас, когда свежая, упругая темно-красная струя хлестанула мне прямо под ноги, это оказалось последней каплей.

Я только сейчас понял, насколько я голоден! Тело, за столь короткий срок трансформировавшее практически весь подкожный жир в мышечную массу, срочно требовало пищи!

И пищи не обычной...

Я слишком много бродил по Зоне, чтобы не понять, в кого превратился. Добровольно дав болотному ктулху напиток своей крови, я и подумать не мог, что стану жертвой заражения, практически такого же, как в мелодрамах про вампиров. Только превратился я не в смазливую плейбоя со слегка удлиненными клыками, а в мерзкую с виду тварь, от одного вида которой можно со страху дать дуба.

И сейчас я хотел того же, что и мои европейские коллеги из дамских романов. А именно — схватить обезглавленное тело и присосаться к обрывку шеи трупа, жадно глотая жидкую пищу, запах которой просто сводил меня с ума.

Но я сдержался.

По воле случая можно стать чудовищем, но при этом совсем ни к чему вести себя как чудовище. По крайней мере, сейчас мне так казалось. Возможно, пройдет какое-то время, человеческого во мне останется меньше, и голод окажется сильнее. Однако сейчас я смог пересилить свое неистовое желание и постарался как можно скорее уйти подальше от столь вкусно пахнущего поля битвы. Лишь напоследок выдернул «Бритву» из черепа мертвеца и привычно сунул ее обратно рукоятью в ладонь.

Получилось неожиданно больно. Мой нож и раньше возвращался в мою руку, даря целую гамму неприятных ощущений, а сейчас мне показалось, что он вернулся на старое место, преодолевая нешуточное сопротивление моей плоти. Будь я человеком, вряд ли осилил бы всунуть «Бритву» обратно. Но тут мускулатура выручила, впихнул резким толчком, через силу. Если так будет дальше продолжаться, то пусть лучше уж мой нож останется в руке навсегда, нежели я буду терпеть такую боль.

Хотя нет.

Не в руке.

В лапе.

Такую граблю, перевитую буграми мышц, называть рукой уже как-то язык не поворачивается.

Сначала я шел, а потом побежал, опасаясь не совладать с собой и вернуться к кормушке. Потому что уже сейчас в моей голове билась мысль: «А чего такого? Жрут же люди быков, свиней, куриц. Почему мне теперь нельзя пить человеческую кровь, если я уже не человек и моральные ограничения людей на меня не распространяются? То есть хомо сапиенсам кушать быка не

в падлу. Тогда почему бык должен сдерживаться, если ему вдруг захочется отведать человечинки?»

Вот от этих мыслей я сейчас и убежал по лесу, то и дело затягивая ремень еще на одну дырку, — жир на брюхе горел, словно в топке. При этом мои мышцы продолжали наливаться силой... а щупальца на морде удлинялись. Трансформация продолжалась. Организм пережигал ненужное, совершенствуя сам себя. Жаль, что люди так не умеют. Сколько б жира, ненужных органов и волос пошло в дело вместо того, чтобы мешать жизни, лишним грузом болтаясь на тушке и внутри нее.

Я бежал, ловко огибая деревья, так, как никогда до этого не бегал. Будучи человеком, по лесу так не поносишься — или об корень споткнешься, или веткой глаз выколешь. Да и просто сил не хватит лететь по пересеченной местности со скоростью пришпоренной лошади.

Но я бежал свободно, легко, как во сне, увиденном совсем недавно, потому что в ногах силищи было не мерено и в руках — не меньше. Опасные ветви плотоядных деревьев, что тянули ко мне свои конечности с шипами-кровопийцами, я просто ломал одним ударом — или подныривал под них прежде, чем они успевали хлестануть меня по лицу. Я перестал думать о плохом и сейчас просто упивался собственной силой, по меркам дикой природы недоступной довольно хилому человеческому телу.

И дело было не только в силе!

Я чувствовал лес, слышал малейшие звуки: как живые корни деревьев шевелятся под землей, как псевдокроты возятся меж этих корней, как где-то примерно в километре отсюда квазимясо точит об камень свои костяные конечности-мечи. Мой нос ловил запахи, недоступные прежде: сладковатую вонь старого кабана,

неделю назад сдохшего в кустах от смертельной раны, запах прелой листвы, в которой вчера дрых бюргер, закопавшись в нее по самую макушку... а также ни с чем не сравнимый аромат добычи, по следу которой я бежал.

Еще недавно мои глаза не разглядели бы этот след, оставленный на толстом одеяле опавшей листвы.

Но не сейчас.

Теперь я отчетливо видел эти вмятины, вдавленные в грязно-желтый покров осени, — и не только видел. Глядя на них, я понимал, что добыча очень устала и скоро остановится, чтобы отдохнуть. Она прошла здесь пару часов назад, нас разделяло более пяти километров, но слабый ветер, путающийся в ветвях деревьев, дул в мою сторону, и потому сейчас я знал о добыче больше, чем, возможно, она сама знала о себе.

Лес был моим домом, который я мог использовать так, как мне нужно. Захочу дом — и лес подскажет, в какой пещере из корней или уютной яме мне лучше укрыться. Пожелаю развлечься — и ветер принесет мне запах юной самочки. А уж с пропитанием вообще никаких проблем: мои чувствительные рецепторы всегда предоставят мне богатый выбор пищи, не хуже, чем у людей в супермаркете. И пусть эта пища при виде меня будет бежать так, как никогда в жизни не бегала, — это бесполезно, так как в этом лесу я самый быстрый, и спастись от меня просто нереально...

Я аж зажмурился на бегу, вспомнив сон, который на сто процентов оказался вещим. Все это я видел буквально пару часов назад, когда еще был человеком, — и вот оно, сбылось в точности! Хотя чему удивляться? Зона порой преподносит гораздо более ошеломляющие сюрпризы. Пора б уже привыкнуть, что на земле, отрав-